

Вэй Ле был великодушен и бескорыстен — он лишь боялся, что его заразят или втянут в беду. Как же можно было быть таким мелочным и винить его! В конце концов, если и была вина, то только его собственная. Не ему следовало упускать из виду общую картину, быть близоруким и мелочным. Ему просто не стоило приходить в Цзююань! Хо Янь спас его в прошлой жизни, но теперь, переродившись, те события ещё не произошли и, вероятно, никогда не произойдут. Никто об этом не знал, он не был обязан возвращать долг — так зачем же лезть и нарываться на неприятности!

Он вытер глаза и с силой запихнул выпавшие вещи в узелок. В гневе движения всегда резки. Гу Тин неловко задел что-то, и с лёгким щелчком маленькая сандаловая шкатулка соскользнула на пол. Она не разбилась, но содержимое рассыпалось.

Гу Тин замер. Не та ли это шкатулочка, что Хо Янь прятал?

Он уважал чужие секреты. Если что-то не предназначалось для его глаз, а владелец явно старался это скрыть, он не стал бы подглядывать. Но теперь бумажки лежали на полу, листки виднелись — не смотреть уже не получалось.

Каждый листок был небольшим, на каждом — строчки.

«Старый знакомец из прошлого. Не помнит меня. С Теремом Красного Шёлка ещё будут проблемы, нужно решить».

«Кроха затеял что-то рискованное. Есть опасность. Надо послать Вэй Ле прибрать хвосты».

«Нефритовая подвеска крохи. Хотел оставить, но придётся вернуть. Сюэ Цин неплох, сгодится. Сюй Инлань пусть больше не переступает порог резиденции».

«Бесчувственный крошка. Разве так весело смотреть, как я дерусь? Мэн Цэ не опасен, но тех, кто следит, — убрать».

«Боевой барабан зазвучал. Кроха не проводил меня. Надо оставить охрану».

«Кроха помог удержать город. Говорят, он красив и очарователен. Маленькие серебряные рыбки, золотые мышки, южные жемчужины? Так вот что ему нравится? Вэй Ле наверняка успел. Жду ответа из Цзююаня».

«Кроха оказался храбрым. Я погорячился. Надо извиниться».

«Кроха сам пришёл ко мне и улыбнулся. Слово та единственная цветущая слива — прекрасна, холодна, ослепительна. Может, сорвать ветку и подарить? Решить за три дня».

«Руки у крохи холодные. Так и надо, чтобы кто-то согревал. Непослушный. Найти ему ручную жаровню. Если нет серебряных рыбок, золотых мышек и южных жемчужин, понравится ли маленькая тыковка?»

...

Листков было много, записи — пустяковые.

Рука Гу Тина дрогнула. Это не были письма, предназначенные для отправки или чтобы их увидели. Но каждое слово касалось его. Хо Янь писал это не для него и не для кого-либо ещё — лишь для себя, чтобы не забыть мимолётный момент, помнить о деле, которое нужно сделать...

И единственное, в чём тот сомневался, — сорвать ли ветку сливы для него. Даже срок себе поставил — три дня на раздумье.

Слова этого человека не были ни сладкими, ни тёплыми. Они даже насмехались — ну да, он любит южные жемчужины, и что с того?

Взгляд невольно упал на ручную жаровню, стоявшую рядом. Маленькая, тыковкой, из пурпурной меди, с ажурной резьбой «сороки на сливе». Она ему с первого взгляда приглянулась, и он теперь повсюду с ней ходил. Выходит... Хо Янь специально её подобрал? А ведь когда тот вручал её, то делал вид, будто просто достал с полки в кладовой: мол, всё равно пылится, пусть хоть пользу приносит.

Все эти листки хранили их встречи, всё, что случилось с тех пор. Хо Янь не выбрасывал их — то ли времени не было, то ли некоторые дела ещё не завершены, итог не ясен и нужно ждать. Как с той сливой.

Гу Тин собрал листки обратно в шкатулку, один за другим. И дошёл до последнего.

«Кроха хочет завести ещё одного малыша вместе со мной, хотя сам ещё совсем кроха. Ладно, я могу их обоих растить. Завтра приготовить мягкую лежанку и миску».

Он пытался сдержаться, но глаза не слушались — слёзы покатились сами.

Он и раньше задумывался: почему его планы всегда сбывались без сучка и задоринки? Неужели он и вправду всё просчитывал? Но даже мудрец ошибается тысячу раз — на какую же удачу он рассчитывал? Он догадывался, что Хо Янь помогает ему из тени, но не знал, что тот сделал так много.

Ему приглянулся тот рысёнок, хотелось приручить. Но зверёк убежал. Гу Тин надеялся лишь на удачу: принести еды вечером, поискать, может, подружится, позволит погладить и остаться. Но ему и в голову не пришло заранее приготовить для него мягкую тёплую лежанку.

Всё, о чём он думал, и даже то, о чём не подумал, — Хо Янь уже сделал.

Этот мужчина был полной противоположностью Цзян Муюню. Никакой внешней теплоты, никаких нежных слов. Но каждый его поступок кричал о заботе. Он заботился. Он помнил. Поэтому всё это и появилось. Цзян Муюню не нужно было ничего делать — пара сладких фраз, и человек готов был душу отдать. В такой ситуации любой другой не ушёл бы, жизнь бы отдал без раздумий. А этот? Гонит прочь холодно и жёстко, заставляя чувствовать лишь досаду и обиду. Как тут разглядеть его добрые намерения?

С таким мужчиной всегда останешься внакладе.

Прямо просится, чтобы его как следует проучили!

Гу Тин захлопнул сандаловую шкатулку, в последний раз грубо вытер глаза — они покраснели, а во взгляде вспыхнула ярость.

Верно! Ты мне кто такой, чтобы я тебя слушался? Сказал «уйди» — и я уйду? Сказал «останься» — и останусь? Не дождёшься! Я, Гу Тин, прожил вторую жизнь ради себя, а не ради тебя! Что хочу, то и делаю, куда хочу, туда и иду. А сейчас я хочу остаться — и что ты мне сделаешь? Попробуй только выпороть да вышвырнуть!

Он разорвал затянутый узел, вытащил аккуратно сложенную одежду и швырнул её на кровать. Затем, пылая гневом, выскочил из комнаты и снова направился в покои Хо Яня.

— В сторону! Я к Хо Яню! — Голос его сорвался от хрипоты, звучал дико и грозно.

Охранники не расступились.

Все стояли, потупив взоры, никто не смел поднять глаза. Тишина повисла неловкая, тягостная.

Так продолжаться не могло. Дежурный старший, сиплым голосом, произнёс:

— Князь приказал... господину Гу немедленно удалиться!

Гу Тин прищурился, взгляд метнулся к Фань Дачуню и Ся Саньму, только что вышедшим из комнаты:

— Вы тоже того же мнения?

Фань Дачуань нахмурился, не проронив ни слова, будто боролся с кем-то внутри. Он со всей силы ударил кулаком в стену, а затем присел на корточки, схватившись за голову.

Ся Саньму, впервые без обычной улыбки, с напряжённым лицом сказал:

— Приказ есть приказ, господин Гу. Не ставьте подчинённых в трудное положение.

Гу Тин видел: никто здесь по-настоящему не хочет его останавливать. Но Армия Стражей Севера — это прежде всего войско, а уж потом дружба. Военный приказ — железный закон, нарушитель — смерть. То, чего они не могли преступить.

Он отступил на шаг:

— Хорошо. Каковы были точные слова князя?

Ся Саньму почтительно сложил руки, опустив глаза:

— Князь изволил сказать: господин Гу не имеет отношения к Армии Стражей Севера. Он не состоит в войсках и не является членом семьи княжеской резиденции. По правилам, оставаться ему не положено.

Гу Тин прищурился:

— Значит, если я буду иметь отношение к Армии, буду её членом или членом семьи резиденции — тогда можно?

— В теории... да, — Ся Саньму отвел взгляд. — Но господин Гу не является военным, а теперь оформлять уже поздно...

Все присутствующие мужчины с досадой ударили себя по рукам — надо было раньше помочь господину Гу записаться в армию! Но кто мог знать, что так выйдет? С таким хрупким телосложением господин Гу вряд ли выдержал бы армейские тренировки — не то что князь, они и сами бы за него переживали!

— В таком случае всё в порядке. Я не военный, но с вашей Армией Стражей Севера, и особенно с княжеской резиденцией, у меня самые что ни на есть близкие отношения!

Гу Тин достал из-за пояса нефритовую подвеску и показал её охранникам и Ся Саньму:

— Эту вещь вы узнаете?

Нефритовая подвеска с витым драконом, твёрдая и тёплая на ощупь, изысканного цвета, с тончайшей резьбой — с первого взгляда было ясно, что обычному человеку такое не принадлежит.

Охранники пребывали в недоумении, но Ся Саньму вздрогнул:

— Это... вещь покойного князя!

Гу Тин повернул подвеску к Фань Дачуню. Тот, взглянув, тут же восторженно закивал:

— Точно, старого князя! Я её видел!

Что? Подвеска старого князя? Откуда? Охранники переглянулись, в глазах — полная растерянность. Воцарилась тишина.

<http://bllate.org/book/16279/1466368>